

CORRUPTION PRACTICES IN EU FUNDS ABSORPTION

Kosta Vlachkov

Varna Free University, “Chernorizets Hrabar”, Varna, Bulgaria, k.vlachkov@abv.bg

Abstract: The document examines the impact of EU funds on major institutionalized public procurement corruption between 2007-2013 in four countries: Bulgaria, the Czech Republic, Hungary and Slovakia. We are analyzing a unique database containing contract-level procurement information for the four countries. Corruption risk indicators have been compiled based on the frequency and logical structure of individual procurement transactions. (Transparency International, 2016) Preliminary findings show that EU funds are impacting on institutionalized major corruption by first providing additional public resources to extract corrupt rent; second, by changing the motivations for and controlling corruption for additional resources. Estimates show that the first effect increases the value of the partisan distribution of resources by up to 1.21% of GDP, while the second effect reduces it by up to 0.03% of GDP. Policy recommendations call for a radical improvement in the EU's monitoring and control framework.

There is an intense debate about the impact of SCF on sustainable growth - similar to the debate on the effectiveness of development aid - mainly if the market-failing SCF outweighs possible public policy failures. Herve and Holtzman offer a very useful conceptual framework for how the absorption of SCF can have: direct adverse effects due to poor management of funds, such as misconduct, mismanagement, or even corruption; and the indirect adverse effect of distorting relative prices in the event of supply constraints, for example by affecting private investment or creating temporary but unsustainable growth that blurs and delays overdue structural reforms. Nevertheless, there is consensus that SCFs can stimulate growth and potential output, provided they are used effectively, efficiently and in a timely manner. (Bobonis, G. J., Fuertes, L. R. C. and Schwabe, R., 2016) SCFs are aimed at promoting growth in less prosperous areas by supporting public and private physical as well as human capital. Therefore, it appears that cost quality - considering their sustainable impact through cost benefit analysis of prioritizing projects on the basis of social returns - would be a better criterion for success than using the absorption level solely as a criterion.

This document provides an overview of the absorption of EU accession funds - in particular the Structural Funds and the Cohesion Fund (SCFs) - during the 2007-2013 programming period; lists the measures taken by the authorities to accelerate initially very slow absorption; briefly discusses the potential impact on growth; and identifies additional measures for subsequent programming periods. The potential impact on growth and potential yield is briefly discussed, while the risks of misuse are recognized. Valuable lessons have been learned, but further steps are recommended for the next programming periods.

Keywords: EU structural and cohesion funds, and potential growth, public procurement, grand corruption, corruption indicators

КОРРУПЦИОННАЯ ПРАКТИКА В ПОГЛОЩЕНИИ ФОНДОВ ЕС

Коста Влычков

Варненский свободный университет, им. Черноризца Храбра, Варна, Болгария
k.vlachkov@abv.bg

Сводка: В документе рассматривается влияние фондов ЕС на крупную институционализированную коррупцию в государственных закупках в период с 2007 по 2013 год в четырех странах: Болгарии, Чехии, Венгрии и Словакии. Мы анализируем уникальную базу данных, содержащую информацию о закупках на уровне контрактов для этих трех стран. Существуют показатели коррупционного риска, основанные на частоте и логической структуре отдельных закупочных операций. (Transparency International, 2016) Предварительные выводы показывают, что фонды ЕС оказывают влияние на институционализированную крупную коррупцию, предоставляя сначала дополнительные государственные ресурсы для получения коррумпированной ренты; Во-вторых, путем изменения мотивации и борьбы с коррупцией для дополнительных ресурсов. Предварительные расчеты показывают, что первый эффект увеличивает значение распределения оценки ресурса до 1,21% ВВП, а второй эффект снижает его до 0,03% ВВП. Рекомендации по вопросам политики требуют радикального совершенствования рамок контроля и контроля ЕС.

Интенсивные дебаты ведутся на влияние SKF на устойчивый рост - как дебаты об эффективности помощи в целях развития - главным образом, если SKF, смягчение рыночных неудач, перевешивают возможные провалы государственной политики. Herve и Holtzmann предлагают очень полезную концептуальную основу

для того, как поглощение SKF может иметь: прямое негативное воздействие из-за неоптимального управления средствами, например, из-за неоправданного политического вмешательства, бесхозяйственности или даже Коррупции и косвенное негативное воздействие, обусловленное искажением относительных цен в случае ограничений предложения, например в результате воздействия на частные инвестиции или создания временного, но неустойчивого роста, который умолит и замедляет назревшие структурные реформы. Тем не менее, существует консенсус в отношении того, что СКФ может стимулировать рост и потенциальные результаты при условии, что они используются эффективно, эффективно и своевременно (Bobonis, G. J., Fuertes, L. R. C. and Schwabe, R., 2016). SCF ориентирована на ускорение роста в менее процветающих районах, поддерживая как государственные, так и частные физические, а также человеческий капитал. Таким образом, представляется, что качество затрат путем изучения их устойчивого воздействия с помощью анализа затрат и выгод при приоритетных проектах на основе социальной отдачи было бы лучшим критерием успеха, чем Уровень использования в качестве критерия.

В этом документе содержится обзор поглощения средств, вступивших в ЕС, в частности из Структурных фондов и фондов сплочения (СКФ) - в период программирования 2007-2013 годов; Перечисляет меры, принятые властями для ускорения первоначального очень медленного поглощения; Кратко обсуждается потенциальное влияние на экономический рост; и определяет дополнительные меры для последующих периодов программирования. Короче говоря, обсуждается возможное влияние на рост и потенциальную урожайность, в то время как риски неправильного поглощения признаются. Ценные уроки были извлечены, но рекомендуется предпринять дополнительные шаги для следующих периодов программирования.

Ключевые слова: структурные и сплоченные фонды ЕС и потенциальный рост, государственные закупки, крупная коррупция, показатели коррупции.

1. ВВЕДЕНИЕ

В то время, когда ожидается, что проекты, которые утверждены и получают софинансирование из европейских фондов, должны принести значительную добавленную стоимость и вклад в развитие экономики многих новых и старых государств-членов, к сожалению, они получены точно Противоположной. После реализации значительной части этих проектов могут возникнуть серьезные вопросы об эффективности и реальных выгодах, которые они приносят. Во многих случаях злоупотребления и мошенничество очевидны, а деятельность является фиктивной, предназначенной исключительно для получения средств, без какого-либо реального улучшения в соответствующей области.

Важно уточнить, что проблемы, связанные с европейскими фондами, многогранные и разные. Существуют различные бюрократические препятствия, которые усложняют процессы утверждения проектов. Сам процесс рассмотрения и утверждения проектов не менее вызывает сомнения, чем злоупотребления и мошенничество, и во многих случаях непосредственно связаны между собой. Все эти проблемы приводят к реальным рискам для выполнения заранее определенных целей и задач (Berkovich, I., 2016). Реализация проектов, утвержденных для финансирования, которые на первый взгляд кажутся очень эффективными и, как ожидается, принесут значительные выгоды как для бизнес-среды, так и для развития инфраструктуры, может быть значительным объемом ресурсов, и реальными Прделанная работа и эффект от них примерно равны нулю.

Фонды ЕС составляют значительную долю ВВП во многих государствах-членах, особенно в Центральной и Восточной Европе (Центральная и Восточная Европа), где она составляет 1,9%-4,4% годового ВВП государств-членов (KPMG, 2016) и более 50% государственных инвестиций. Даже если коррупция затрагивает лишь незначительную часть этих сумм, негативные последствия, вероятно, будут значительными с точки зрения нерегулярных инвестиций (например, пустых автомагистралей, ведущих в никуда) или угрозы региональной сплоченности, одной из основных целей фонды ЕС. Если коррупция в расходах средств ЕС действительно связана с политикой высокого уровня и организованной преступностью, то последствия являются более серьезными, что в конечном итоге будет влиять на политическую конкуренцию, демократию и социальную процветания.

Мы сосредоточимся на четырех новых государствах-членах ЕС: Болгарии, Чехии, Венгрии и Словакии в 2009-2013 годах. Их политические институты сильно различаются, причем Венгрия в последнее время все чаще демонстрирует некоторые авторитарные характеристики и в целом не справляется с коррупцией (Vatog, 2014); Словакия добивается определенного прогресса в направлении чистых правительств, хотя и с вопросительными знаками (Beblavy, 2014), а Чешская Республика является одним из хороших исполнителей в ЦВЕ, показывая некоторые признаки ухудшения ситуации (Transparency International, 2016). Несмотря на различия, эти страны имеют в целом аналогичное посткоммунистическое наследие и относительно однородную нормативно-правовую базу, определенную ЕС.

2009-2013 годы – бурный период с развитием глобального экономического кризиса и превращением в кризис суверенного долга в Европе, в результате которых по-разному пострадали четыре страны. Средства ЕС расходуются в различных формах, что затрудняет достижение общей оценки. Поэтому мы решили посмотреть только на расходы на госзакупки от государственных или полугосударственных организаций (например, государственных предприятий), финансируемых за счет средств ЕС, что в основном означает использование сплоченности и структурного фонда. (Bank, W., 2017.)

2. ТЕОРИЯ

Несмотря на значительный общественный и политический интерес к коррупционным рискам, связанным с расходами ЕС, на сегодняшний день научной работы было очень мало. Тем не менее, более широкая литература, в которой рассматривается влияние ЕС на качество управления, административный потенциал и демократию в новых государствах-членах, предлагает две противоречивые точки зрения: (1) ЕС как действующий фактор в Развитие, содействие благому управлению и 2) ЕС как бессильные влиять на новые государства-члены, особенно после вступления в ЕС (Masters, A. B. and Graycar, A., 2016).

Мало кто может возразить, что ЕС вносит свой вклад в создание институтов и совершенствование управления в странах ЦВЕ в процессе присоединения. ЕС поставил перед собой чрезвычайно популярную цель присоединения правительств центральной и восточной Европы и руководящие принципы в отношении того, какие институциональные усовершенствования должны быть осуществлены для достижения этой цели, хотя и с разной ясностью. Это привело к многочисленным реформам в области государственного управления, демократических сдержек и противовесов или финансового управления.

Есть разумные основания полагать, что фонды ЕС способствуют благому управлению в период нашего наблюдения. Одним из наиболее важных остающихся после присоединения рычагов Брюсселя для обеспечения дисциплины новых государств-членов являются фонды ЕС и угроза их вывода, что в принципе должно мотивировать страны-бенефициары к хорошему управлению этими средствами. Более жесткое регулирование и мониторинг фондов ЕС также указывают на потенциальные положительные последствия. Государственные расходы, финансируемые за счет средств ЕС, подлежат мониторингу ЕС в дополнение к обычным национальным системам аудита, которые делают более вероятным выявление и наказание нарушений (Европейский совет, 2015). Кроме того, выделение средств ЕС является более строгим, что, как правило, делает коррупцию более дорогостоящей и является позитивным стимулом для выделения национальных общественных организаций на модернизацию.

Тем не менее, многочисленные случаи показывают, что фонды ЕС злоупотребляют в больших масштабах, особенно в странах и регионах со слабыми институтами, такими как страны ЦВЕ. Это не должно удивлять, так как сплоченность и структурные фонды ЕС расходуются на инвестиционные проекты, где высока общественная свобода, в то время как они также обеспечивают большой и практически безграничный ресурс для извлечения средств. Более тревожным является то, что предварительные данные из Венгрии и Болгарии показывают, что коррупция в фондах ЕС достигает политиков высокого уровня в этих странах. Таким образом, фонды ЕС могут развивать коррумпированные сети высокого уровня, которые могут одновременно контролировать деловые и политические позиции. Хотя утверждается, что фонды ЕС оказывают негативное влияние на качество управления страной-получателем, а не просто неэффективно, это явно смелое заявление, отчеты по делам и предварительные доказательства оправдывают такую гипотезу:

H0: Европейские фонды увеличивают институционализированную крупную коррупцию в странах с низким качеством управления.

H1: конкурентная альтернативная гипотеза, также вытекающая из предыдущих теоретических и эмпирических исследований:

H1A: Европейские фонды сокращают или оставляют неизменными институционализированную крупную коррупцию в странах с низким качеством управления.

В контексте государственных закупок институционализированная крупная коррупция или правовая коррупция относится к распределению и исполнению контрактов на государственные закупки путем изгиба прошлых четких правил и принципов хороших государственных закупок Воспользоваться закрытой сетью, отказывая в доступе ко всем остальным. Специализированное распределение государственных ресурсов, таких как государственные закупки, является одним из основных средств институционализированной крупной коррупции.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ЕС

Расходы ЕС на государственные закупки могут быть непосредственно определены в каждом уведомлении о контракте, в котором фиксируется использование или неиспользование средств ЕС, а также ссылка на соответствующую программу ЕС (это Последняя информация будет использоваться только на более позднем этапе опроса, поскольку для точной идентификации программы требуются процедуры поиска текста. Однако информация о доле финансирования ЕС в общей стоимости контракта не публикуется. Поэтому нам пришлось использовать упрощенную категоризацию каждого контракта. В большинстве случаев регулирование позволяет вносить взносы ЕС в размере 80-95% от общего объема инвестиций. Данные крупных инвестиционных проектов подтверждают, что на фонды ЕС приходится большая часть затрат на проекты в случае финансирования ЕС. Наш подход по-прежнему подразумевает, что цифры финансирования ЕС включают в этот документ некоторые национальные софинансирования в размере 5-20%.

Вопреки общепринятым представлениям, государственные закупки фондами ЕС не подпадают под другой процедурный режим. Те же правила и пороговые значения для контрактов применяются независимо от источника финансирования. Общие национальные и европейские правовые рамки для государственных закупок обеспечивают существенное сопоставление процедур закупок, финансируемых ЕС и не входящих в ЕС. Существенное различие между процедурами закупок, финансируемых фондами ЕС и национальными правительствами, состоит из дополнительного мониторинга и контроля и различных мотивационных структур, связанных с расходованием средств ЕС.

Четыре страны использовали финансирование ЕС в своих расходах на государственные закупки в той или иной степени, большинство из них расходы Венгрии.

4. ПОКАЗАТЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЙ КРУПНОЙ КОРРУПЦИИ

Разработка критериев для институционализированной крупной коррупции в государственных закупках и для четырех стран представляет собой основное методологическое нововведение данной статьи. Подход внимательно следует методологии составления показателей, разработанной авторами (Fazekas, M., Tóth, I. J., & King, L. P, 2013a.), используя широкий спектр элементарных показателей коррупции в государственных закупках (Fazekas, M. et al, 2013b).

При измерении используется тот факт, что для институционализации крупных коррупционеров для работы контракты на государственные закупки должны периодически присуждаться компаниям, входящим в коррумпированную сеть. Этого можно добиться только в том случае, если будут согнуты или нарушены установленные законом правила конкуренции и открытости. Измеряя степень недобросовестного ограничения конкуренции в сфере государственных закупок, можно получить косвенный показатель коррупции. Этот показатель, называемый Индексом риска коррупции (CRI), представляет вероятность того, что присуждение конкретного контракта и закупки будут между 0 и 1.

Переменные, описывающие входную сторону процесса коррупции в государственных закупках, то есть элементарные методы коррупции, представлены в таблице 3. Существует более полный список возможных и измеримых элементарных показателей коррупции; однако для целей сравнения в этом документе используется только подмножество. Показатели сгруппированы в соответствии с фазой процесса закупок, к которой они относятся. Это работа в процессе; Данные будут обработаны для 2-3 дополнительных элементарных показателей риска коррупции в каждой стране.

Весы компонентов относятся к элементарным показателям коррупционного риска, используя набор регрессий, которые непосредственно моделируют извлечение коррупционных схем в государственных закупках. В этих регрессиях два вероятных исхода коррупции в процессе коррупции: 1) контракты с одним участником и 2) доля победителя в контрактах эмитента регрессирует на элементарные показатели риска коррупции 10 и переменные, контролируемые альтернативные объяснения: низкая административная способность: количество сотрудников эмитент; институциональные пожертвования: тип эмитента; Особенности рынка: CPV-разделение закупаемых продуктов (двузначный уровень); Количество конкурентов на рынке: Количество уникальных победителей в группе продуктов 2009-2013 гг. CPV 3-го уровня (4-й уровень) и географическом регионе NUTS-1; размер и продолжительность контракта и нормативные изменения: год заключения контракта; эмитенты, заключившие не менее 3 контрактов на срок 12 месяцев до даты заключения контракта.

Результаты регрессии показывают, что существует существенное ограничение на доступ к рынку, и, следовательно, возможно, институционализированная крупная коррупция, которая сохраняется во всех трех странах в течение периода 2009-2013 г. Как правило, с использованием тех же методов. Только эти результаты показывают, что коррупция является систематической в государственных закупках в этих

странах. Прибытие моделей стабильной регрессии со значительной объяснительной силой (псевдо R² между 0,11 и 0,30 для бинарных логистических регрессий; и R² между 0,19 и 0,29 для линейной регрессии) с использованием той же регрессии и переменных настроек, направить осуществимость измерений в стране.

В Чешской Республике изменение приглашения к участию в торгах связано с увеличением вероятности получения единой заявки на 0,6% и увеличением контрактной доли победителя на 1,5%. Оба результата предполагают, что изменение приглашения к участию в торгах на этапе проведения торгов систематически используется для ограничения доступа и периодической выгоды от одной и той же компании. Этот результат гарантирует, что изменение приглашения к участию в тендере будет частью чешского CRI. В Словакии отсутствие публикации тендера в официальном журнале связано с вероятностью присуждения контракта одному кандидату на 9,0% и более высокой долей победителя в контракте на 1,3%. Оба результата предполагают, что избегание прозрачной и легко доступной публикации нового аукциона обычно может использоваться для ограничения конкуренции, чтобы периодически получать выгоду от конкретной компании. Это означает, что приглашение к участию в торгах, которое не опубликовано в Официальном журнале, становится частью Словацкой CRI. В Венгрии и Болгарии у заявителей, подавших заявки на участие в тендерах, остается всего 5 дней или меньше, включая выходные, вероятность того, что с одним кандидатом будет заключен контракт, на 20% выше, а на 7,9% выше. Доля контракта победителя по сравнению с периодами более 20 календарных дней. Они показывают, что чрезвычайно короткие периоды подачи заявок часто используются для ограничения конкуренции и периодически заказывают одну и ту же компанию. Еще раз, это дает достаточные основания для включения этой категории в венгерские и болгарские CRI. (Ahmed, M. and Biskup, R., 2016)

После того, как список элементарных показателей риска коррупции определен с использованием вышеуказанных регрессий, каждой из переменных и их категориям присваивается вес компонента. Поскольку нам не хватает детальных знаний о том, какая методика элементарного искажения является необходимым или достаточным условием возникновения коррупции, мы придаем равный вес каждой переменной, а величины коэффициентов регрессии используются только для определения весов в переменных. Например, если бы было четыре значимых переменных категории, они получили бы веса 1, 0,75, 0,5 и 0,25, отражая ранжирование категорий в соответствии с размером коэффициента. Веса компонентов нормированы так, что наблюдаемый CRI падает между 0 и 1.

С международной сравнительной точки зрения, дополнительным преимуществом ЧРИ является то, что он сочетает национальную специфику с международной сопоставимостью. С одной стороны, он служит ориентиром, поскольку логика построения индикаторов и основных индикаторов одинакова в каждой стране (конечно, насколько позволяет доступность данных, ведется дальнейшая работа). С другой стороны, вес компонентов и порогов переменной категории (например, определение ускоренной процедуры в отношении продолжительности периода подачи заявок зависит от страны и года) отражают различные национальные условия. Та же шкала ЧРИ по всей стране (то есть 0-1) придает определенное значение вопросу “какая страна более коррумпирована”; тем не менее, основная цель измерения - выйти за рамки упрощенного понимания коррупции и изучить структуру коррупции в любом контексте коррупции. (Batory, A., 2014)

Эти контракты с CRI выше 0,6 представляют особенно высокий риск коррупции. В качестве предшественника последнего анализа стоит отметить несколько иное распределение процедур закупок, финансируемых ЕС и не финансируемых ЕС, в Венгрии.

Хотя основную демонстрацию достоверности CRI следует искать в регрессиях, которые непосредственно моделируют коррупционные закупки при государственных закупках, внешние тесты достоверности также строятся с использованием других «объективных» индикаторов коррупции высокого уровня. Например, в Венгрии компании, принадлежащие или управляемые держателями политических должностей, имеют значительно более высокий CRI (разница CRI = 0,01, приблизительно одно стандартное отклонение). Существуют дополнительные тесты на достоверность, в которых используются данные о прибыльности, росте оборота и зависимости объема контракта от прибыльных государственных компаний, каждый из которых указывает на достоверную достоверность ИЦБ (Fazekas et al., 2013b).

В сравнительной перспективе, CRI среднего контракта может быть рассчитан для каждой страны даже для коротких периодов, таких как месяцы. Этот совокупный CRI аппроксимирует наиболее часто используемые субъективные показатели для распространения коррупции. Среднемесячные ЧРИ позволяют нам отслеживать изменяющиеся результаты коррупции в отдельных странах с течением времени: хотя, начиная с гораздо более высокого уровня, Словакия, похоже, неуклонно улучшает свои показатели; Чешская Республика в Болгарии остается в основном стабильной; в то время как Венгрия значительно ухудшилась после смены правительства в мае 2012 года (Soudek, J., & Skuhrovec, J., 2015). В результате этих движений четыре страны несколько сошлись во мнениях относительно среднего уровня коррупции.

Для Венгрии есть две альтернативные линии CRI, поскольку новое правительство значительно снизило прозрачность государственных закупок, например, ослабив требование о проведении тендера, и существуют альтернативные способы учета этого изменения (Beblavy, M, 2014). Более низкий уровень коррупционного риска подразумевает, что неопубликованные объявления о тендерах столь же чисты, как и самые чистые опубликованные запросы о проведении торгов; в то время как более высокий риск коррупции подразумевает, что неопубликованные объявления о торгах настолько же коррумпированы, как и худшие опубликованные объявления о проведении торгов. Запись данных только для рынков, по крайней мере, с тремя конкурентами (т. е. Три разные компании, которые выиграли, по крайней мере, один рыночный заказ) исправляет предвзятость малых рынков и небольших стран, удаляя их из выборки. Только проверяя эмитентов, которые заключили не менее 3 контрактов на закупки в течение анализируемых 12 месяцев до заключения контракта, можно убедиться, что данные от издателей с небольшим опытом государственных закупок не влияют на результаты.

5. КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЕС

Европейские фонды могут влиять на узаконенную крупномасштабную коррупцию в странах Центральной и Восточной Европы двумя основными способами: во-первых, путем предоставления дополнительного финансирования для государственных инвестиций, таким образом увеличивая совокупную потенциальную ренту для получения прибыли; во-вторых, путем изменения мотивационной структуры и ограничений коррупционных сетей (KPMG, 2016). Мотивы и ограничения коррупции различны для Структурных фондов и Фонда сплочения ЕС, поскольку мониторинг может быть более интенсивным и глубоким, а национальные механизмы отчетности могут работать по-разному, когда финансирование поступает извне. Первый подход ориентирован на увеличение расходов, а второй - на различные мотивы и меры борьбы с коррупцией.

6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Хотя требуется много дополнительной работы, этот документ уже показал, что возможно и полезно использовать данные на уровне контрактов для отслеживания рисков коррупции с течением времени в странах ЕС. Наши предварительные результаты показывают, что финансирование ЕС значительно увеличивает риски коррупции в Центральной и Восточной Европе, по крайней мере, двумя основными способами. Во-первых, предоставляя большой объем дополнительных государственных ресурсов для государственных закупок; во-вторых, неспособность обеспечить достаточный контроль коррупции, противодействие дополнительным ресурсам коррупции. Несмотря на широкие усилия по мониторингу со стороны органов ЕС, финансируемые ЕС расходы на государственные закупки представляют еще большие риски коррупции, чем сопоставимые национальные расходы в Чешской Республике, Венгрии и Болгарии. Государственные закупки, финансируемые ЕС в Словакии, несут в себе лишь немного более низкие риски коррупции по сравнению с аналогичными национальными расходами на закупки, хотя национальные расходы, как правило, подвержены гораздо более высокому риску коррупции, чем в двух других странах. (Walton, G. W., 2016) В обоих случаях этот положительный эффект далеко не компенсирует отрицательный эффект от имеющихся увеличенных дискреционных расходов.

Хотя государственные закупки, финансируемые ЕС, могут быть эффективными для ускорения темпов роста в Центральной и Восточной Европе, желаемые выгоды уравновешивают их с коррупционными рисками и потенциальными коррупционными издержками (Dan, S. and Pollit, C., 2016). Хотя для получения более точных оценок распределения ресурсов для оценки и связанных с этим затрат на коррупцию необходима дальнейшая работа, наши предварительные выводы уже показывают, что такие затраты могут быть незначительными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahmed, M. and Biskup, R., (2016) Anti-Corruption Risk Assessment. Retrieved from <http://insights.ethisphere.com/anti-corruption-risk-assessment/>
- Bank, W., (2017) Worldwide Governance Indicators'. Retrieved from <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>
- Batory, A, (2014) Why do anti-corruption laws fail in Central Eastern Europe? A target compliance perspective. Regulation & Governance, 6(1), 66–82.
- Beblavy, M, (2014) Conditions for effective large-scale anticorruption efforts and the role of external actors: What does the Slovak experience tell us? Public Administration and Development, 29(3), 180–192.

- Berkovich, I., (2016) The corrupted Industry and the wagon-wheel effect:
A cross-country exploration of the effect of government corruption on public service effectiveness. *Administration and Society*, 48(5), pp. 559–579.
- Bobonis, G. J., Fuertes, L. R. C. & Schwabe, R., (2016) Monitoring corruptible politicians. *American Economic Review*, 106(8), pp. 2371–2405.
- Dan, S. and Pollit, C., (2016) NPM can work: An optimistic review of the impact of new public management reforms in Central and Eastern Europe. *Public Management Review*, 15(9), pp. 1305–1332.
- European Council, (1999) European Social Fund and the Cohesion Fund and repealing Regulation (EC) No 1260/1999. , Pub. L. No. COUNCIL REGULATION (EC) No 1083/2006 (2006).
- Fazekas, M., Tóth, I. J., & King, L. P., (2013a) Anatomy of grand corruption:
A composite corruption risk index based on objective data. CRC-WP/2013:02, Budapest: Corruption Research Centre.
- Fazekas, M., Tóth, I. J., & King, L. P., (2013b) Corruption manual for beginners:
Inventory of elementary “corruption techniques” in public procurement using the case of Hungary. CRC-WP/2016:01, Corruption Research Centre, Budapest.
- KPMG, (2016) EU Funds in Central and Eastern Europe. 2016. Warsaw, Poland: KPMG.
- Masters, A. B. & Graycar, A., (2016) Making corruption disappear in local government. *Public Integrity*, 18(1), pp. 42–58.
- Soudek, J., & Skuhrovec, J., (2015) Public Procurement of Homogeneous Goods: the Czech Republic Case Study. IES Working Paper 05/2015. IES FSV. Prague: Charles University.
- Transparency International. (2016). Money, politics, power: corruption risks in Europe. Berlin: Transparency International.
- Walton, G. W., (2016) Gramsci’s activists:
How local civil society is shaped by the anti-corruption industry, political society and translocal encounters. *Political Geography*, 53, pp. 10–19.